

Библиотека Всемирной Литературы

ДЖЕРОМ К. ДЖЕРОМ

Трое в одной лодке, не считая собаки.
Трое на четырех колесах. Рассказы

Джером Клапка Джером Падение Томаса-Генри

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160364

Аннотация

Неувядающее остроумие великого английского юмориста Джерома К.Джерома (1859–1927) доставит немало радостных, светлых минут и современному читателю.

Джером Клапка Джером

Падение Томаса-Генри

Из всех котов, которых я когда-либо знал, Томас-Генри был самым уважаемым. Наречен он был Томасом, но называть его так казалось просто невыносимо. Ну все равно, что семейству из Хардена звать мистера Вильяма Гладстона – Билем. Попал к нам Томас из Реформ-клуба по рекомендации мясника, и в тот самый момент, как я увидел его, я почувствовал, что он не мог быть взращен ни в каком другом клубе Лондона. Он, казалось, насквозь был пропитан царящим там духом солидности, достоинства и незыблемого консерватизма. Почему он покинул клуб, я сейчас, по прошествии столь долгого времени, не могу с уверенностью сказать, но склонен думать, что произошло это вследствие расхождения во взглядах с новым шеф-поваром – деспотической личностью, претендовавшей на то, чтобы единолично распоряжаться плитой. Мясник, прослышав о ссоре и зная, что у нас нет кошки, предложил выход, который одинаково приветствовали обе враждующие стороны. Расстались они, надо думать, весьма холодно, и Томас прибыл к нам в дом, заранее расположенный в нашу пользу.

Моя жена, как только взглянула на него, решила, что ему гораздо больше подойдет имя Генри. Мне пришло в голову, что комбинация этих двух имен будет еще более уместной,

и, таким образом, в тесном семейном кругу его стали звать Томас-Генри. А в беседе с друзьями мы называли его не иначе, как Томас-Генри, эсквайр.

Он выказал нам свое расположение в свойственной ему спокойной, сдержанной манере. Он выбрал для себя мое любимое кресло и не пожелал с ним расставаться. Всякого другого кота я шуганул бы оттуда в два счета, но Томас-Генри был не из тех, кто допускает подобное обращение. Если бы я дал ему понять, что возражаю против того, чтобы он занимал мое кресло, он, вне всякого сомнения, смерил бы меня взглядом, каким, наверное, посмотрела бы королева Виктория, если бы эта всемилостивейшая дама удостоила меня дружеским визитом, а я сообщил ей, что занят, и попросил заглянуть как-нибудь в другой раз. Он поднялся бы и ушел, и, проживи мы потом хоть всю жизнь под одной кровлей, он не стал бы со мной разговаривать.

В то время у нас обитала одна леди, – она и сейчас с нами, но теперь она старше и умнее, – которая не испытывала никакого почтения к кошкам. Она считала, что, раз хвост торчит кверху и за него удобно ухватиться рукой, значит этот отросток для того и создан природой, чтобы за него дергать. Она придерживалась ошибочного взгляда, что самый правильный способ кормить кошек – это запихивать им еду прямо в глотку и что они испытывают величайшее наслаждение, когда их катают в кукольной коляске. Мне внушала большие опасения первая встреча Томаса-Генри с этой леди. Я боял-

ся, как бы из-за нее у него не сложилось неправильное представление о всей нашей семье и мы не упали бы в его глазах.

Но я напрасно волновался. В Томасе-Генри было нечто такое, что пресекало любую дерзость и отбивало охоту быть фамильярным. Он занял по отношению к юной леди позицию дружественную, но твердую. Нерешительно и робко, впервые почувствовав уважение к кошкам, она потянулась к его хвосту. Он спокойно отвел хвост в сторону и посмотрел на нее. Во взгляде его не было ни гнева, ни обиды. С таким видом Соломон мог принимать знаки внимания царицы Савской. В этом взгляде чувствовалась снисходительность и вместе с тем отчужденность.

Поистине это был кот-джентльмен. Один мой приятель, который верит в переселение душ, считал, что в прежней жизни Томас-Генри был лордом Честерфилдом. Он никогда не мяукал, требуя пищи, как это делают другие коты. Обычно, в то время когда мы ели, он садился возле меня и ждал, когда ему подадут. Он с удовольствием обгладывал баранью ножку, но на пережаренную говядину не желал и смотреть. Кто-то из наших гостей предложил ему однажды хрящик; не сказав ни слова, Томас-Генри спокойно покинул комнату и не показывался до тех пор, пока наш друг не уехал.

Но у каждого есть свое слабое место, и слабостью Томаса-Генри была жареная утка. Ее эмоции, когда к столу подавали жареную утку, явились для меня психологическим откровением. Они вдруг раскрыли мне другую низменную,

животную сторону его натуры. При виде жареной утки Томас-Генри становился самым обыкновенным котом, подчиненным всем диким инстинктам своей породы. Чувство собственного достоинства спадало с него, как плащ. Ради жареной утки он пускал в дело когти, он ползал на брюхе. Я уверен, что за кусок жареной утки он продал бы душу дьяволу.

Поэтому мы избегали готовить это блюдо: было просто больно видеть, как низко может пасть кот. Кроме того, его манеры, когда на столе появлялась жареная утка, служили для детей дурным примером. Томас-Генри сиял добродетелями среди всех котов в округе. По нему можно было проверять часы. После обеда он неизменно совершал перед домом полчасовой моцион, ровно в десять он возвращался с черного хода, а в одиннадцать уже спал в моем кресле. Он не вступал в дружбу ни с одним из соседских котов. Драки не доставляли ему никакого удовольствия, и я сомневаюсь, был ли он когда-нибудь, даже в юности, влюблен; к женскому обществу он относился с полнейшим безразличием.

Так он вел безупречную жизнь в течение всей зимы. Летом мы взяли его с собой в деревню. Мы думали, что перемена воздуха пойдет ему на пользу: он явно начинал жиреть.

Увы, бедный Томас-Генри! Здесь-то и подстерегала его гибель. Что вызвало в нем такую метаморфозу, я сказать не могу, – может быть, воздух оказался слишком бодрящим, но Томас-Генри покатился по наклонной плоскости с устрашающей быстротой. В первый вечер он отсутствовал до

одиннадцати часов, на второй день вовсе не явился ночевать, на третий прогулял до шести утра, потеряв при этом половину шерсти на макушке. Несомненно, в деле была замешана леди; откровенно говоря, судя по тому концерту, который продолжался всю ночь, я склонен думать, что их там было не меньше дюжины. Томас-Генри с полным правом мог считаться красивым котом, и они завели манеру навещать его в дневное время. А затем и джентльмены, честь которых была задета, тоже стали являться и требовать сатисфакции, в которой Томас-Генри, надо отдать ему должное, никогда им не отказывал.

У деревенских мальчишек вошло в обычай по целым дням слоняться вокруг нашего дома, чтобы поглазеть на кошачьи бои, а разъяренные хозяйки то и дело влетали к нам на кухню и кидали на стол очередногодохлогокота, взывая о справедливости ко мне и к небу. Наша кухня превратилась в настоящий кошачий морг, и мне пришлось купить еще один кухонный стол. Кухарка заявила, что ей было бы куда легче работать, если б она единолично пользовалась столом. Она сказала, что ей очень неудобно, когда среди мяса и овощей для обеда лежатдохлыекошки, и что она боится, как бы чего не перепутать. Поэтому старый стол был поставлен у окна и отдан под котов, и с тех пор она никому не разрешала положитькота, хотя бы и совсемдохлого, на свой стол.

Я слышал однажды, как она спрашивала у весьма разгоряченной леди:

– Что вы прикажете с ним делать – сварить его?

– Это мой кот, – отвечала та, – вот что!

– Ну, а я сегодня не готовлю пирога с кошатиной, – отрезала кухарка, – и уберите его вон на тот стол. А этот стол – мой.

Сначала «справедливость» восстанавливалась, как правило, при помощи полукроны, но с течением времени коты вздорожали. До тех пор я считал кошек дешевым товаром и был удивлен, что здесь они ценятся так высоко. Я всерьез начал подумывать, не заняться ли мне разведением котов в коммерческих целях. Продавая их по курсу, установленному в этой деревне, я мог бы составить кругленькое состояние.

– Полюбуйтесь на работу вашей твари, – сердито сказала одна леди, к которой меня вызвали посреди обеда.

Я полюбовался. Передо мной лежал плюгавый, тощий котенок, которому, судя по его виду, на том свете было куда лучше, чем на этом. Если бы бедное создание принадлежало мне, я только поблагодарил бы Томаса-Генри, но некоторые люди не видят собственной пользы.

– Я бы этого кота не отдала бы и за пять фунтов, – сказала леди.

– Ну, в этом вопросе наши мнения расходятся, – ответил я, – я лично думаю, что с вашей стороны было бы неблагоразумно отказываться от такой суммы. Что касается меня, я за него больше шиллинга дать не намерен. Если вы полагаете, что вам выгоднее снести его в другое место, – пожалуйста.

– Он был настоящим христианином, этот кот, сказала ле-
ди.

– Я не беру мертвых христиан, – ответил я, – а если бы и
брал, то не дал бы больше шиллинга за подобный экземпляр.
Вы можете считать его, чем вам угодно, – христианином или
котом, но и в том и в другом случае больше шиллинга он не
стоит.

В конце концов мы помирились на восемнадцати пенсах.
Меня также поражало количество соперников, которых
Томас-Генри умудрялся отправлять на тот свет. Казалось,
происходит форменное избиение котов.

Зайдя как-то вечером на кухню (я завел обыкновение
ежедневно производить смотр очередной партии пострадав-
ших), я обнаружил на столе, среди прочих, кота необычной
пестрой расцветки.

– Этот кот стоит полсоверена, – заявил его владелец, ко-
торый стоял тут же, угощаясь пивом.

Я взял животное со стола и осмотрел его.

– Его убил вчера ваш кот, – продолжал мужчина. – У него
нет ни стыда ни совести.

– Мой кот убил его трижды, – ответил я. – В субботу он
был убит как кот миссис Хеджер, в понедельник его хозяй-
кой оказалась миссис Мейерс. В понедельник у меня еще не
было полной уверенности, но зародились кое-какие подозре-
ния, и я взял его на заметку. Сейчас я его сразу признал. По-
слушайте-ка моего совета и закопайте его, пока он не распу-

стиль заразы. Мне нет дела до того, сколько у кошки жизней, я плачу только за одну.

Мы предоставили Томасу-Генри все возможности исправиться, но он становился день ото дня хуже, к прочим своим преступлениям он присоединил браконьерство и охоту на цыплят, и мне надоело расплачиваться за его грехи.

Я посоветовался с садовником, и он сказал, что и раньше встречался с такими случаями.

– Не знаете ли вы лекарства от этой болезни?

– Как сказать, сэра, – ответил садовник, – я слышал, что иной раз помогает холодная ванна и хорошая порция кирпича.

– Попробуем дать ему дозу перед сном, – сказал я.

Садовник применил это средство, и с тех пор кончились все наши неприятности!

Бедный Томас-Генри! Его история служит примером того, что добродетель крепка, пока нет соблазна. Какой джентльмен собьется с пути истинного, пребывая в атмосфере Реформ-клуба! Мне было очень жаль Томаса-Генри, и с тех пор я потерял веру в благотворное воздействие природы.